Social'nye i gumanitarnye znanija. 2024. Vol. 10, No 2
journal homepage: http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk

POLITICAL SCIENCE

The evolution of political power legitimacy conceptions

O. A. Ignatjeva[1]

[1]Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163

Research article
Full text in Russian

The concept of the power legitimacy as one of the problems in the field of public administration was first mentioned by the German jurist G. Jellinek of the late 19th – early 20th century, then it was deeply developed in the theory of political domination by M. Weber. Realizing the importance of this issue, scientists from different countries one way or another turned to it and refined its various aspects. This article provides a critical analysis of the basic concepts of the legitimacy of power, based on the contribution to the development of this issue by M. Weber, D. Easton, I. Cerovac, J. Rawls, D. Estlund and J. Habermas. Since the problem of the legitimacy of power is directly related to the maintenance of a democratic regime, the declared concepts are considered in the context of the varieties of democracies for which they were created. The purpose of this study is not only to analyze successive concepts of the legitimacy of political power, but also to identify their relationship with the prevailing ideas about democracy in science and society at the time the concept appeared. The study was carried out within the framework of a systematic approach using general theoretical methods of analysis and synthesis, systematization and classification, as well as the case study method for country analysis.

Keywords: legitimacy of political power; plebiscitary democracy; epistemic democracy; deliberative democracy; structural legitimacy; procedural legitimacy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva, Olga A. | E-mail: olga7919@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Assotiate Professor

For citation: Ignatjeva O. A. The evolution of political power legitimacy conceptions // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 152-163. (in Russ.)

© Yaroslavl State University, 2024
This is an open access article under the CC BY license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Социальные и гуманитарные знания.2024. Том 10, № 2
сайт журнала: http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk

ПОЛИТОЛОГИЯ

Эволюция концепций легитимности политической власти

О. А. Игнатьева[1]

[1]Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163
УДК 321.72

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие легитимности власти как одна из актуальных проблем в области государственного управления было впервые упомянуто немецким правоведом Г. Еллинеком конца XIX – начала XX века, затем оно получило глубокую разработку в теории политического господства М. Вебера. Осознав важность данной проблематики, ученые из разных стран так или иначе обращались к ней и дорабатывали разные ее аспекты. В данной статье проведен критический анализ базовых концепций легитимности власти, основанный на вкладе в развитие данной проблематики М. Вебера, Д. Истона, И. Сировача, Дж. Ролза, Д. Эстлунда и Ю. Хабермаса. Поскольку проблема легитимности власти напрямую связана с поддержанием демократического режима, то заявленные концепции рассматриваются в контексте разновидностей демократии, для характеристики которых они создавались. Целью данного исследования является не только анализ последовательно сменяющих друг друга концепций легитимности политической власти, но и выявление их взаимосвязи с господствующими в период появления концепции представлениями о демократии в науке и обществе. Исследование выполнено в рамках системного подхода с использованием общетеоретических методов анализа и синтеза, систематизации и классификации, а также метода кейс-стади для странового анализа.

Ключевые слова: легитимность политической власти; плебисцитарная демократия; эпистемическая демократия; делиберативная демократия; структурная легитимность; процедурная легитимность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна	E-mail: olga7919@mail.ru Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А Эволюция концепций легитимности политической власти // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 152-163.

Введение

Проблема легитимации власти является одной из ключевых проблем для поддержания устойчивости современных демократических режимов. Данная проблема занимает умы ученых с начала XX века. Ее теоретическая разработка связана с именами таких ведущих ученых в области философии, политологии и социологии, как М. Вебер, Д. Истон, Дж. Ролз, Д. Эстлунд, Ю. Хабермас и многие другие. Проблемы демократического устройства современных государств и легитимации поли-

© ЯрГУ, 2024
Статья открытого доступа под лицензией CC BY (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

тической власти в них взаимосвязаны, так как именно демократические режимы наиболее озабочены поддержанием солидарных отношений с обществом, его вовлечением в принятие и одобрением принимаемых элитой решений. Следовательно, целью данного исследования является не только анализ последовательно сменяющих друг друга концепций легитимности политической власти, но и выявление их взаимосвязи с господствующими в период появления концепции представлениями о демократии в науке и обществе.

Логика работы представлена последовательным анализом наиболее влиятельных в политической мысли концепций легитимности политической власти. В первом разделе предлагается анализ подхода к проблеме легитимации власти М. Вебера в контексте взаимосвязи данного подхода с идеями плебисцитарной демократии. Во втором разделе мы переходим к анализу работы по легитимности власти Д. Истона, которая была предложена им в середине XX века и, по сути, является более тщательной разработкой оснований легитимности, предложенных немецким ученым. В третьем разделе статьи приводится анализ концепции процедурной легитимности в контексте двух более современных форм эпистемической демократии. И, наконец, рассматривается концепция коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса в контексте доминирующей сетевизации и горизонтализации властных отношений делиберативной демократии. Исследование выполнено в рамках системного подхода с использованием общетеоретических методов анализа и синтеза, систематизации и классификации, а также метода кейс-стади для странового анализа.

Легитимность власти в подходе М. Вебера и плебисцитарная демократия

Макс Вебер первым поставил вопрос о том, что власть должна иметь некоторые другие основания, отличающиеся только от возможности применять легитимное насилие, хотя он и определял государство как политический союз, основанный на возможности использования последнего [1, с. 486]. Термин «легитимность» был впервые использован Г. Еллинеком (немецким теоретиком в области права) и означал доверие общества существующей системе властных отношений [2, с. 219]. Однако заслугой Вебера является то, что он на большом массиве данных с момента образования государств и до периода своей современности проанализировал варианты легитимации власти и выделил их основания. Легитимность в понимании Вебера связана с престижем власти и может быть основана либо на традиции, что свойственно разным видам патримониального господства, либо на харизме, к которой мы вернемся при анализе плебисцитарной демократии, либо на законе, что характерно для легально рационального господства.

Сила традиции сохраняет свою значимость в легитимации властных отношениях в некоторых политических системах и сегодня, например, в Великобритании, которую Вебер считал идеалом государственного устройства и пытался перенести его на политическое устройство современной ему Германии. В конституционной монархии, каковой и является Великобритания, роль монарха вынесена из поля политической борьбы. Его обязанностями являются представление государства на высшем уровне, функция морального ориентира и символического сплочения нации. События последних двух лет (похороны королевы Великобритании Елизаветы II и коронация нового короля Карла III) показали, что традиции как основа легитимности власти все еще сильны в британском обществе. «В Англии… реальная власть

находится у джентльменов в котелках, а в золоченой карете восседает символ величия страны» [3, с. 185].

Плебисцитарная демократия – разновидность демократии, введенная в научный оборот Максом Вебером. Данный вид демократии предполагает возможность использования двух оснований легитимности: харизмы и закона, но, в отличие от полноценной демократии, плебисцитарная демократия имеет только форму демократии, но по содержанию она ей не соответствует. Ее суть заключается в том, что избиратели участвуют в политическом процессе только на входе. После того, как выбор сделан, они должны замолчать и не вмешиваться в дела избранного политика. «В демократии народ выбирает вождя, в которого верит. Затем избранник говорит: «А теперь заткнитесь и подчиняйтесь!» Народ и партия не смеют и пикнуть» [4, с. 564–565]. Власть, основанная на харизме, проходит эволюцию в политических работах Вебера: от мощной и все преобразующей харизмы Христа и Наполеона до власти партийного лидера или главы государства (рейхспрезидента), выбранного на основании закона. Партийная харизма не является угрозой государственному устройству, как харизма лидеров прошлого. Она оттачивается в рамках политической борьбы и закона. В качестве примеров развития партийной харизмы Вебер опять обращается к опыту Великобритании. Партийная харизма позволяет прийти к власти в современном государстве, однако действие ее ограничено, и поэтому ее носитель должен успеть закрепить свои завоевания и позиции законодательно, в чем, естественно, заинтересована и харизматическая общность, которая помогла лидеру подняться на вершину олимпа. Одним из способов передачи харизмы преемнику является номинация нового лидера харизматической общностью с последующим плебисцитарным одобрением [5, с. 22].

Партийная харизма в поздних работах Вебера, таких как «Парламент и правительство в новой Германии» [6], «Будущая государственная форма Германии» [7], «Рейхспрезидент» [8] и «Политика как призвание и профессия» [1], раскрывает условия прихода к власти плебисцитарного лидера, который в результате политической борьбы занимает пост премьер-министра или рейхспрезидента. Однако исследователи пришли к выводу, что фигура рейхспрезидента генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга, выбранного плебисцитом Веймарской республики, сыграла плачевную роль в истории Германии, когда данный плебисцитарный лидер открыл дорогу к власти НСДАП и фюреру [9, с. 251].

Представитель веберианства Вильгельм Моммзен проводит сравнительный анализ работ М. Вебера и его ученика Р. Михельса по проблемам плебисцитарной демократии и бюрократизации политических партий. Так, Вебер положительно относится к формированию плебисцитарных демократий и бюрократизации партийных структур, поскольку работа с последними оттачивает характер и профессионализм будущих партийных лидеров, а сама плебисцитарная демократия и парламент могут противостоять доминированию административного аппарата исполнительной власти. Михельс же отрицательно относится к бюрократизации партий, так как она ухудшает качество партийных и государственных лидеров. Сама же плебисцитарная демократия, по мнению Михельса, является подменой реальной демократии, поэтому существование парламента в ней не требуется: «парламентские выборы являются актом фальсификации народной воли» [10, p. 134]. Анализ биографии и работ Вебера В. Моммзеном приводит последнего к выводу, что идеи плебисцитарной демократии открыли путь во власть фашистским режимам, а также способствовали их легити-

мации. Р. Михельс оправдывал свое решение поддержать Муссолини и итальянский фашизм ссылкой на Вебера [Там же].

Типы легитимности власти в системном подходе Д. Истона

Творческий период Д. Истона – канадского ученого, разработавшего совместно с Г. Алмондом системный подход к анализу политических систем, пришелся на середину XX – начало XXI века. В этот период уже не существовало плебисцитарных демократий, поэтому те политические системы, которые стали частью анализа в рамках системного подхода, более соответствовали реальным, а не фиктивным демократиям начала XX века. Однако поскольку сферой интересов Д. Истона были не только демократические, но и другие политические системы, то мы более подробно рассмотрим предложенный Д. Истоном подход к классификации оснований легитимности власти.

На первый взгляд, теория легитимности Д. Истона напоминает подход М. Вебера. Так, например, структурная легитимность может быть соотнесена с легитимностью на основании закона или традиции, а персональная легитимность напоминает легитимность харизмы в творчестве М. Вебера. Однако необходимо не забывать, что Вебер и Истон работали в разных теоретико-методологических парадигмах. И если первый выстраивал свою теорию, исходя из неокантианства и концепции понимающего социального действия, то второй находился на уровне Т. Парсонса и анализировал проблему легитимности власти схематически с точки зрения системного подхода. Таким образом, в случае с теорией легитимности Д. Истона мы имеем несколько обедненный с точки зрения исторических деталей подход, но при этом он претендует на большую универсальность с точки зрения характеристики видов легитимности власти в политической системе.

В своей работе Д. Истон выделяет два объекта, по отношению к которым могут проявляться чувства легитимности: это политическая власть и режим, а также основные источники легитимности, к которым относятся структурный, персональный и идеологический [11, p. 289–310]. Таким образом, источники легитимности по сути являются убеждениями в легитимности власти, ориентированными на тот или иной аспект политической системы (будь он структурный, персональный или идеологический) [12, p. 392].

Убеждение в легитимности того или иного аспекта политической системы предполагает поддержку власти среди членов общества. Истон объясняет значение поддержки следующим образом: «Мы можем сказать, что А поддерживает Б либо, когда А действует от имени Б, либо когда он ориентируется на Б. Б может быть человеком, группой; это может быть цель, идея, институт. Я буду обозначать поддерживающие действия как открытую поддержку, а поддерживающие отношения или настроения – как скрытую поддержку» [11, p. 15]. Истон проводит дифференциацию видов поддержки элементов системы со стороны общества на специфическую и диффузную. При этом специфическая поддержка является следствием удовлетворения результатами деятельности власти, в то время как диффузная поддержка представляет в целом общий благоприятный фон и принятие действия властей со стороны общества, даже если последнее не согласно с ним. «Привитие чувства легитимности, вероятно, является единственным наиболее эффективным средством для регулирования потока диффузной поддержки в пользу как властей, так и режима» [Там же. P. 55]. Чувства легитимности, выраженные в доверии властям или режиму, могут проистекать

из глубоких идеологических принципов, привязанности структуре и нормам режима или безграничного доверия личности политического лидера. Истон указывает, что идеологические, структурные и персональные чувства легитимности прививаются с раннего детства в процессе социализации и являются надежной опорой для построения демократического государства. Такие базовые идеи, как народное правительство, конституционная система, права человека, служащие основой идеологической легитимности в США, являются частью мировоззрения школьников и надежным фундаментом политической системы.

Процедурная легитимность в концепциях эпистемической агрегированной и эпистемической делиберативной демократии

Если первые два подхода относятся к характеристике властных отношений, то следующий подход к легитимности характеризует способность процедуры принятия решений порождать легитимные политические решения. Данный подход приобрел особую значимость в нулевые годы XXI века и основан на работах Джона Ролза [13], Дэвида Эстлунда [14], Ивана Сировача [15], Фабиенна Питера [16], Роберта Таллиса [17] и Миранды Фрикер [18]. Доверие власти и ее принятие может быть основано не только на престиже ее носителя или на силе правовой нормы или традиции, но и на уверенности в правомерности используемых процедур принятия политических решений. С точки зрения представителей данного направления политологической мысли, справедливая процедура принятия решений, обладающая потенциалом легитимности, должна, с одной стороны, быть не хуже любой другой справедливой процедуры (подбрасывание монеты, равная лотерея, королева на день), а с другой стороны, быть эпистемически правильной. «Для того, чтобы обладать потенциалом создания легитимности, процедура принятия решений должна быть справедливой (моральное требование) и должна производить существенно лучшие результаты, чем любая другая справедливая процедура принятия решений (эпистемологическое требование)» [15, p. 180].

С точки зрения процедуры принятия решения можно выделить несколько вариантов демократий: прагматическая делиберативная демократия, эпистемическая демократия вторых лиц, эпистократия, схолократия, эпистемическая агрегированная демократия и эпистемическая делиберативная демократия [15]. Две последние разновидности демократии наиболее близко подошли к выше обозначенным критериям процедуры (справедливости и эпистемологической правильности), обладающей потенциалом порождения легитимности. Мы остановимся на них подробней.

Эпистемическая агрегированная демократия основана на идее о том, что эпистемический критерий легитимности реализуется через возможность объединить все предпочтения населения, и на том, что голосование на основе правила большинства позволяет принять наиболее справедливое решение. При этом справедливость в такой процедуре предполагает, что мнения не обсуждаются, а просто суммируются, и то, что получилось в результате, подается как наилучшее решение. Но можно ли считать такое решение наилучшим? Примером концепции агрегированной демократии служит теорема Кондорсе о присяжных. Но насколько решения, принимаемые в соответствии с логикой данной теоремы, соответствуют реальности и можно ли полагаться на нее в процессе принятия решений? Суть теоремы Кондорсе заключается в том, что поскольку избиратели с большей вероятностью проголосуют правильно, чем неправильно, то добавление большего количества избирателей уве-

личивает вероятность того, что решение большинства будет правильным. Следовательно, большая группа избирателей (при условии, что они чаще правы, чем не правы) может прийти к правильным решениям чаще, чем кто-либо из ее членов [19].

Теорема Кондорсе [Там же] соответствует первому критерию процедурной легитимности – справедливости, основанной на возможности участия в процессе принятия решений всех заинтересованных лиц, но в отношении второго критерия – качества принимаемого решения – возникают сложности. Во-первых, под вопрос ставится независимость избирателей как одного из основных требований данной теоремы. Дело в том, что в реальном обществе избиратели могут быть контекстуально нагружены общим образованием или социализацией в примерно одинаковых условиях, что вызывает предвзятость в их суждениях и выборе. Принадлежность к определенному страту или профессиональной группе создает основу для принятия решения, выгодного для данного сообщества, без учета мнения всех остальных. Одним из ключевых условий теоремы присяжных является независимость избирателей. Если люди склонны следовать за лидерами или экспертами в принятии решений, то теорема не поддерживает эпистемологическую агрегированную демократию.

Во-вторых, теорема Кондорсе основана на идее попарного сравнения альтернатив, и, когда таких альтернатив и участников много, как это и есть в реальности, принятие решения на основе данной теоремы становится затруднительным в силу большого объема информации или зацикливания [20] Еще одним минусом, влияющим на качество принимаемых участниками процесса политических решений, является их возможная предвзятость. Например, если в обществе преобладает количество людей, которые предвзято относятся к расовым или гендерным проблемам, то количество решений, отражающих эту предвзятость, будет преобладать [14]. Таким образом, разумные (квалифицированные) граждане вряд ли воспримут процедуру принятия решения в рамках агрегированной демократии как наилучшую процедуру принятия решений, так как она не свободна от вышеназванных рисков. Необходимо отметить, что теорема Кондорсе о присяжных создает идеальную модель принятия решения, которая в некотором смысле сближает процесс принятия решений в эпистемической агрегированной демократии с теорией процедурной справедливости Дж. Ролза. Конечно, лучше, чтобы в процессе принятия решения путем голосования участвовали независимые, объективные граждане, но граждане необразованные и плохо социализированные, скорее всего, примут худшее решение, чем граждане образованные, хотя и склонные к предвзятости под воздействием своей профессии и социализации.

Эпистемическая делиберативная демократия позволяет лучше решить проблему выполнения эпистемического критерия, отвечающего за качество принимаемых политических решений. Данное утверждение основано на содержательном и инструментальных аспектах принимаемых решений. В содержательном смысле принимаемое решение должно способствовать максимизации полезности базовых благ в обществе или преодолению наибольших из онтологических зол, таких как война, голод, эпидемия [13, с. 89]. В инструментальном смысле есть ряд формальных требований, которые делают решение, принимаемое в рамках данной демократии, лучше, чем в рамках агрегированной демократии. В отличие от последней эпистемическая делиберативная демократия предполагает возможность обсуждения и обдумывания, когда будущее решение складывается не как результат суммирования разных мнений, а как части головоломки, которые бережно стыкуются друг с другом. Очевидно,

что если в процессе обдумывания и обсуждения участвуют разумные (квалифицированные) граждане, то вместе они достигнут лучшего решения, чем совокупность случайно собранных и не взаимодействующих друг с другом в процессе принятия решений граждан. Здесь полезно вспомнить притчу о слепцах, которые пытались определить, что такое слон. Именно возможность делиберации и общность позволили им, наконец, представить это животное в целом. Демократия эпистемически ценна прежде всего потому, что она позволяет делиться и оценивать различные точки зрения [21]. Таким образом, можно утверждать, что процедура принятия политических решений также влияет на их восприятие гражданами как легитимных. И хотя пока не создано оптимальной процедуры, обладающей потенциалом легитимности, наиболее близко к критериям справедливости и эпистемической ценности подходит процедура принятия решений в рамках эпистемической делиберативной демократии.

Коммуникативная легитимность Ю. Хабермаса в условиях делиберативной демократии

Еще одним современным подходом к трактовке легитимности политической власти является подход, основанный на современном понимании политической власти, связанный с сетевизацией и горизонтализацией политических отношений [22]. Речь идет о концепции коммуникативной рациональности или коммуникативной легитимности, разработанной Юргеном Хабермасом, представителем Франкфуртской школы неомарксизма. Выдающийся немецкий философ, обращаясь к проблеме практического разума в практическом и моральном контексте, опирается на категорические императивы И. Канта, так как «лишь руководствующуюся моральной точкой зрения и потому целиком рациональную волю можно назвать автономной. Она очищена от всех гетерономных черт спонтанного действия (Willkür) или воли к специфической, всегда также аутентичной жизни» [23, с. 17]. Хабермас полагает, что рассматриваемые категорические императивы должны приниматься членами общества только после обсуждения, которое является своего рода тестом на универсальность, так как «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды» [24, с. 107].

Чтобы провести моральную оценку терминальных целей и инструментальных средств, необходимо обращаться к действительно универсальным стандартам, которые берут в расчет интересы всех социальных групп, а не только разумных (квалифицированных) граждан. «Тот, кто во имя универсализма исключает Другого, кто остается чуждым для Других, предает саму идею универсализма» [Там же. С. 25]. При этом коммуникации поддерживают универсализм практического разума, так как именно коммуникации переводят его идеи в рациональную коллективную практику. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость» [Там же. С. 91].

Вводя концепт «делиберативности», Ю. Хабермас понимает под ним установку на социальное сотрудничество, открытость, готовность к дискуссии, где делиберативной средой является совокупность условий, создающих пространство для обмена мнениями и влияющих на процесс принятие решений [25, с. 81]. Концепт ком-

муникативной легитимности позволяет объединить жизненный мир, основанный на идеях интресубъективности (Дж. Мида и А. Шюца), и социальную систему в понимании Т. Парсонса. Таким образом, коммуникативная легитимность Ю. Хабермаса прокладывает мостик между микро- и макросоциальной теорией, что является его важной заслугой, поскольку предыдущие поколения социологов, политологов и философов так и не смогли преодолеть этот разрыв.

Концепция удачно вписывается в делиберативную трактовку демократического управления, так как предполагает восприятие законов и других нормативно-правовых актов как легитимных в процессе коммуникации между органами государственной власти, бизнесом и населением. Например, в работе Аниты Кёльстрэм приводится случай из социальной практики, когда коммуникация между чиновниками и клиентами способствовала уменьшению недоверия последних и восприятию закона как легитимного [26, p. 4–7]. Согласно этому примеру, семейная ссора стала достоянием общественности, так как ребенок, обиженный на отца, обратился за помощью в службу социальной защиты. Отца пригласили на прием. Поначалу он также руководствовался эмоциями, но общение и обсуждение проблемы с представителем социальной службы и дочерью позволило ему лучше осознать свою неправоту и согласиться с нормами закона, которые регулировали данный случай. Так, данная коммуникативная рациональность позволила принять закон как легитимный не в момент его создания, а постфактум. Этот пример может показаться нетипичным для российской действительности, когда вмешательства в личное пространство семьи негативно воспринимается гражданами, однако в Швеции и Финляндии обращение детей в службу социальной защиты – это обычная практика. Также коммуникативная рациональность может работать и на входе, когда общество или бизнес привлекается к процессу выработки политического решения. Здесь в качестве примера можно привести метод оценивания политических решений, направленных на использование их результатов стейкхолдерами [27], или консенсус-конференции, проводимые в Европейском Союзе с привлечением заинтересованных лиц со стороны населения, при разработке законодательных актов.

Участие граждан в процессе формирования политической повестки является одной из характеристик зрелой демократии, создавая базис доверия институтам власти и проводимой ими политике. «Широкое участие общественности, в этом отношении, вносит как инструментальный, так и нормативный вклад в формирование демократической политики. Уменьшая количество конфликтов и увеличивая принятие или доверие к руководителям государственных органов, оно может предоставить гражданам возможность узнать о проблемах политики. Такое изучение может повысить вероятность того, что они поддержат принятые решения» [28, p. 206]. Кроме того, привлекаемое к решению социально-политических вопросов население может существенным образом повлиять на характеристику проблем, поскольку лучше владеет контекстуальными фактами, характерными для той или иной местности. Эти знания зачастую недоступны для политиков, чиновников и экспертов, но они могут внести неоценимый вклад при выработке конвенциального знания и принятии политических решений. Привлечение граждан к участию в процессе формулирования политики также может быть полезно при изучении и рассмотрении социальных и политических ценностей, которые нельзя рассмотреть исключительно аналитическими методами [29].

Зачастую делиберативные стратегии, направленные на привлечения граждан к формированию повестки дня и рассмотрению политических решений, входят в противоречие с экспертным знанием, так как последнее стремится найти единственно верное решение, исключая из процесса обсуждения понимание проблемы неспециалистами. В современных демократиях сформировались следующие формы делиберативных стратегий, способствующих вовлечению граждан в принятие политических решений. Это Q-методология [30], совещательный опрос и телеголосование [31], собрание по национальным вопросам [32], семинары по сценариям [33], гражданское жюри [34], консенсус-конференции [35] и оценивание, направленное на использование результатов политики стейкхолдерами [27].

Современные формы партисипативного анализа политики предполагают примирение позиции эксперта с заинтересованным населением, так как первый тоже участвует в обсуждении и предоставляет информацию, интересующую граждан. Основываясь на попытках расширить возможности обычных граждан принимать собственные решения, ориентированные на действия, партисипативные исследователи экспериментируют с новыми способами демократизации отношений между экспертом и гражданами [28]. Остановимся более подробно на двух инновационных формах партисипативного анализа политики с привлечением граждан: консенсус-конференциях и оценивании, направленном на использование результатов политических решений.

Консенсус-конференция является одной из наиболее используемых делиберативных стратегий в странах Западной Европы. Более подробный анализ данной стратегии представлен в работе С. Джосса [35]. Данная методика была разработана Датским советом по технологиям с целью привлечения неспециалистов к вопросам, относящимся к парламентскому уровню, для осуществления технологического и экологического расследованияс вынесением вопросов непосредственно на обсуждение общества. Совет разработал структуру, которая позволяет преодолеть разрыв между экспертами, политиками и гражданами. Руководящий комитет совета собирает заявки от граждан, желающих принять участие в консенсус-конференции по той или иной важной социально-политической проблеме. Обычно в конференции участвуют от 10 до 25 граждан-неспециалистов, отобранных руководящим комитетом. После отбора непрофессиональных участников до момента проведения консенсус-конференции, которая длится три–четыре дня, проходит несколько месяцев, в течение которых граждане-участники встречаются с исследователями и экспертами, получают базовую информацию по теме конференции. Особую роль для преодоления разрыва между экспертами и участвующими гражданами играет фасилитатор, который также не является специалистом по теме конференции. Он направляет процесс знакомства с темой и взаимодействия друг с другом на основе организованного набора правил и процедур. Такие конференции позволяют лучше учитывать интересы населения в процессе рассмотрения проблемы, а следовательно, повышают доверие к принимаемым законодательным актам и решениям. В основе доказательной политики лежит оценивание регулирующего воздействия. Так, в Европейском Союзе ни один законодательный акт не может быть принят без предоставления результатов предварительного оценивания политики, проводимого привлекаемыми экспертами [36].

Заключение

Таким образом, проблематика легитимности власти в условиях демократических режимов стала одной из ведущих тем в XX – первой четверти XXI века в политической науке и философии, поскольку позволяла выстроить дополнительный столп, на котором может устойчиво держаться политическая система. Возможность основывать власть на чем-то большем, чем просто применение легитимного насилия, стала фокусом исследовательского внимания для многих выдающихся ученых. Сразу необходимо отметить, что таких ученых и концепций гораздо больше, чем приведено в данной статье. Однако автор постарался сосредоточиться на наиболее известных и отражающих исторические вехи в развитии демократии и теории легитимности. Первые две концепции (М. Вебер, Д. Истон) касаются характеристики оснований доверия в отношениях господство-подчинения, т. е. властных отношениях. Третий подход направлен на анализ процедурной легитимности для выявления особенностей выработки политических решений, которые будут считаться и считаются легитимными в глазах большинства избирателей. Данный подход не особенно известен в отечественной литературе, хотя получил широкое распространение в политической науке на Западе. И, наконец, кульминацией анализа служит подход Ю. Хабермаса, кратко обозначенный как коммуникативная легитимность, который позволяет охарактеризовать, каким образом решения становятся легитимными в глазах всего общества с использованием делиберативных стратегий и практик.

Ссылки

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 485-528.

2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юр. Центр-Пресс, 2004. 191 с.

3. Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 156–185.

4. Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. 656 с.

5. Игнатьева О. А. Социология господства Макса Вебера: эвристический потенциал. СПб.: Архей, 2018. 171 с.

6. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 107-299.

7. Вебер М. Рейхспрезидент (январь 1919 года) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 399-403.

8. Вебер М. Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 343-393.

9. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 316 с.

10. Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / W. Mommsen, J. L. Osterhammel. HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 134.

11. Easton D. A system analysis of political life. N.Y.: John Willey & Sons, 1965. 507 p.

12. Muller E. Correlates and Consequences of Beliefs in the Legitimacy of Regime Structures // Midwest Journal of Political Science. 1970. Vol. 14, No. 3. P. 392-412.

13. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.

14. Estlund D. Democratic Authority. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 312 p.

15. Cerovac I. Epistemic democracy and political legitimacy. London: Palgrave Macmillan, 2020. 242 p.

16. Peter F. Democratic Legitimacy. London: Routledge, 2011. 354 p.

17. Talisse R. Democracy and Moral Conflict. New York: Cambridge University Press, 2009. 206 p.

18. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007. 188 p.

19. de Condorcet M. Foundations of Social Choice and Political Theory. Northampton: Edward Elgar, 1994. 384 p.

20. Arrow K. Social Choice and Individual Values. New Haven: Yale University Press, 1963. 144 p.

21. Bohman J. Deliberative Democracy and the Epistemic Benefits of Diversity // Episteme 3. 2006. No. 3. P. 175–191.

22. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 935 с.

23. Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М.: ДиректМедиа, 2002. 378 с.

24. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.

25. Павлова Т. В. Делиберация как фактор конструирования поля современной политики // Политическая наука. 2018. № 2. С. 73–94.

26. Kihlstrom A. Communicative Legitimacy: Habermas and Democratic Welfare Work. London: Palgrave Macmillan, 2020. 101 p.

27. Patton M. Utilization-focused evaluation: the new century text / by Michael Quinn Patton. Newbury Park, CA: Sage Publications Inc., 1997. 431 p.

28. Fischer F. Reframing Public Policy: Discursive Politics and Deliberative Practices. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 266 p.

29. Fiorino D. J. Citizen Participation and Environmental Risk: A Survey of Institutional Mechanisms // Science, Technology, and Human Values. 1990. No. 15. P. 226–243.

30. Dryzek J. S. Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations. N. Y.: Oxford univ. press, 2002. 195 p.

31. Lindeman M. Building Diversified Deliberative Institutions: Lessons from Recent Research. Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC. 28 August 1997.

32. Fishkin J. S. The Voice of the People: Public Opinion and Democracy. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. 206 p.

33. Andersen I. and Jaeger B. Scenario Workshops and Consensus Conferences: Towards More Democratic Decision-Making // Science and Public Policy. 1999. Vol. 26. P. 331-340.

34. Crosby N. Citizens Juries: One Solution for Difficult Environmental Problems // Fairness and Competence in Citizen Participation: Evaluating Models for Environmental Discourse /eds. O. Renn, T. Webler, and P. Wiedermann. Dordrecht, Netherlands: Kluwer, 1995.

35. Joss S. Evaluating Consensus Conferences: Necessity or Luxury? // Public Participation in Science: The Role of Consensus Conferences in Europe / eds. S. Joss and J. Durant. London: Science Museum, 1995. 144 p.

36. Eymer-Douzans J.-M. NPM reforms legacy: a common praxeology, a variety of acclimatization, a renewed bureaucratization // Administrative Reforms and Democratic Governance / eds. By Jean-Michel Eymer-Douzans and Jon Pierre. London, New York: Routledge/ECPR Studies in European political science, 2011. 272 p.